

Лично я с такой ситуацией встречаюсь впервые. Приезжает группа критиков в театр, а художественный руководитель живет своей отдельной жизнью, с нами не знакомится. Мало того: свои спектакли не показывает, только чужие. А когда критики проводят «круглый стол» со всеми театральными деятелями города, назначает труппе именно на этот час мероприятие, чтобы ни актеры, ни постановщик увиденного нами спектакля не слышали нашего разбора.

Поначалу мы очень удивлялись, а когда узнали, что после предыдущего приезда московских критиков Э. Кокова, художественный руководитель Хакасского республиканского театра заявила: «критики мне не нужны, нужны театроведы», уже не удивлялись ничему.

Мы поняли, что Эльза Михайловна Кокова — в своей вотчине полноправная и единственная хозяйка. Из тех, что «ногой открывают» любую дверь, оперируя броскими лозунгами. А какой у нас нынче «дежурный»? Разумеется, национальный. Этот козырь нечем прикрыть, он всегда в ходу. А поскольку дело происходит в городе Абакане, то провозглашается замечательная, в общем-то, идея подъема хакасского театрального искусства.

В 1991 году крепкий драматический театр, который не стыдно было и в Москву, и в Ленинград вывозить, делится на два. Раньше театр имел две труппы — русскую и хакасскую — и единое руководство. Труппы сильные, профессиональные, с одним, пожалуй, минусом: хакасы почти все одного возраста, потому что костяк — выпуск национальной студии ЛГИТМиК 1974 года.

Жили единым организмом — общими художественными идеями, имели свой дом, а не коммунальную кухню, где у каждого свой примус. Хакасская труппа, как и русская, играла современный и классический репертуар, то вместе с русской, то работая по отдельности. Конечно, хакасы пытались ставить свое, но с национальной драматургией были сложности...

Когда земля создавалась, Тогда же и звезды рождались, говорят, На всем белом свете Народ начинал жить. У подножия хребта Ах-сын, Что шестью вершинами вознесся, Течет великая река Ах-талай, Шестью рукавами разлившись. У подножия высокого хребта Пасется много разного скота, На берегу великой реки Ах-талай Живет несметное число людей...

Это «Алтын-Арыг» — хакасский героический эпос. Тысячу лет назад хакасское государство было огромным — около двух миллионов человек. Армия — 400 тысяч «натягивающих луки», как тогда говорили. В древнехакасском государстве была своя литература, свои рукописные книги, народ был грамотен, а знать даже посылала детей завершать образование за границей.

Сейчас в республике Хакасия немногим более полумиллиона народу, собственно хакасы составляют 11 процентов населения, русские — 79, еще чувашки, украинцы, немцы, татары. Как любой народ, тем более малый, хакасы беспокоятся, сохранится ли их древняя культура.

Профессиональное искусство в республике в основном представляют театры. Их всего четыре: кукольный театр «Сказка», молодежный, работающий на хакасском языке — «Читыген» и два драматических — хакасский и русский. И у всех большие проблемы. Первая — не хватает режиссеров. Из «Сказки» ушел С. Столяров, из драмы — С. Верхградский и С. Болдырев, принявшие приглашения Новосибирской и Иркутской драмы соответственно. А без режиссера какой же театр?

Абакан — город культурный. Не только потому, что в нем четыре театра, музей и филармония. А потому еще, что там у власти действительно культур-

ные люди, искренне заинтересованные и пытающиеся помочь. Но в республиканском бюджете по статье «культура» денег мало, на новые постановки не хватает (Русский театр не может выпустить «Мышьак и старинные кружева» потому только, что не на что «одеть» уже готовый спектакль). Зарплату артисты получают нерегулярно. Из четырех театров только один — «Сказка» — имеет собственное здание.

Как выглядит в такой ситуации разделение драмтеатра на два самостоятельных, связанных только общей сценой, театра — хакасский и русский? В очередь играют: месяц один, месяц другой. Понятно, что в свободный месяц можно и репетировать, и ездить на село. Но, естественно, что некоторые спектакли играют с большими перерывами, на их художественном уровне это сказывается. Артисты путаются, видно, что им надо вспоминать текст,

ставляют чуть не треть репертуара. Он демократичен, умеет тронуть зрителя и рассмешить. В каждой республике одну и ту же пьесу решают по-разному. Калмыцкий театр перенес действие в юрту, дал героям ощутить свою связь с космосом, как учит буддизм. Что делает Хакасский театр? Пьесу перевели, труппа играет ее то по-русски, то по-хакасски. О качестве перевода не берусь судить, но сценография! Позаимствовав элементы художественного решения из калмыцкого спектакля (постановщик Б. Майджиев, сценограф В. Яшкульов), Хакасский театр делает нечто невразумительное. Старухи живут в доме, на втором этаже. А художник Г. Зуев в общежитской казенной комнате с двухъярусными койками и кричаще-голубыми занавесками дает странный, непонятно откуда взявшийся намек на юрту, которой нет и в помине. Художник так одевает актрис, что платья об-

строчный перевод через наушники, пошли после спектакля разрешать недоумения. Но ни исполнители, ни режиссер М. Топоев не сумели ответить на наши вопросы о смысле происходящего.

В этом лирическо-драматическо-комическом народном действе на фоне грубо рисованного задника (сценография А. Котожекова) толпятся безликой массой все актеры труппы. Для действия им оставлена узкая полоса сцены, им тесно, особенно в массовых эпизодах, которые, собственно, составляют спектакль. Актеры одеты в мешковатые, грубой холстины балахоны, с непонятными горшками — казанками на головах. В казанках просверлены круглые отверстия, но почему-то никто из артистов не смог объяснить, что это означает. Впечатление, что режиссер не помогает актеру в работе над спектаклем, не ставит задачу, не работает над раскрытием его индивидуальности. В спектакле есть музыка, песни и танцы, но поют — откровенно, не скрываясь — под фонограмму. Сделано это грубо и неумело. Единственное, что доставило удовольствие, это поэтические строки в финале: «Пой, как сердце поет. Смотри, как солнце светит. Если тяжело, ляг под дерево...» (Подстрочник).

Любовь к окружающему миру, гармоническое восприятие жизни — великие ценности народной культуры. Хакасский эпос весь пронизан поэзией. Рисуя картины сражений богатырей с демонами, с захватчиками, сражений жестоких и кровавых, народ всегда находил лирические моменты, использовал богатую метафору. Хакасский эпос, да еще исполненный хаем (особая техника горлового пения), принадлежит к подлинным сокровищам мировой культуры. Но известно, как трудно строить на эпической основе пьесу. В драматургии — другие законы. В эпическом произведении вся мощь в слове, в неторопливом повествовании. На сцене интрига строится иначе, неторопливое описание действия и картин природы уступают место быстрому обмену репликами, конфликтами и их разрешению. Перенести эпос на сцену безумно трудно. Даже опытному писателю это вряд ли удастся. И, мне кажется, опора Хакасского театра только на свои силы, на национальную драматургию, еще роковую, не профессиональную (из трех хакасских пьес афиши одна написана художником, а другая — актрисой), сегодня обедняет театр.

Национальное искусство поддерживать надо, но неразумно замыкаться театру только в этих границах. Наверно, потому из Хакасского театра уходят сейчас некоторые актеры, что соскучились по хорошей драматургии. Ведь труппа была еще недавно сильная, богатая талантами. В 1992 году был последний — четвертый — выпуск хакасской студии ЛГИТМиК. Все выпускники, за исключением одной актрисы, в Хакасском театре работать не захотели, хотя другого театра для них нет — только Русский. В Русский театр перешли несколько хакасских актеров, проработавших много лет в труппе.

В итоге: «старые» актеры разбегаются, молодежь нет совсем. Естественно, тогда возникает лозунг. Не так важно какой, однако, борьба за возрождение национального — годится всегда. Только скажите, кто препятствует? Кто не позволяет? Нужен национальный театр — он есть! Требуется художественный руководитель статус государственного — но театр и так не городской, а республиканский! Беда в том, что республиканский бюджет очень скромный, но иной где взять? И только ли этот театр надо поддерживать? И за какие особые художественные достижения?

Ну а раз денег нет — пусть хоть искусство будет. Слава Богу, они не всегда тесно связаны.

Светлана НОВИКОВА.

ИСКУССТВО ИЛИ КОШЕЛЕК?

причем, как оказалось, хакасские артисты по-русски играют легче, чем по-хакасски.

У Русского театра наряду с современной «облегченной» драматургией есть и «Ночь ошибок», и «Вишневый сад» (который критики очень хотели посмотреть, но даже распоряжение министра культуры В. Г. Чаптыкова не убедило Э. Кокову уступить сцену на один вечер).

У Хакасского — апрельская афиша состоит из 5 названий: «Автобус» Стратиева, «Выходили бабки замуж» Ф. Булякова, «Золотая колыбель горных духов» А. Кызласовой, «Плач чайки» А. Косенкова и «Ах пуга» А. Чапрая. Как видите, ни русской, ни западной пьесы среди них нет. Нам показали только «Выходили...» и «Ах пуга».

Комедия Ф. Булякова числится в лидерах, идет по меньшей мере в девяти театрах: в Башкирии, Калмыкии, России. Ее сюжет напоминает «Ретро» А. Галина. В колхозную богадельню, где живут четыре старухи, неожиданно приходит четверой кузнец, татарин Абдулла. Он будоражит старух рассказами о своей жизни, о доме, надежно поставленной покойным мужем одной из старух, о печи, сложенной тоже умершим мужем другой. Бедные женщины начинают тосковать по воле, вспоминать прожитую жизнь и близких. Каждая просит Абдулла взять ее с собой. Ничего, что их много: татарам Магомед разрешает. Но оказывается, самого Абдулла заманили в дом престарелых, чтобы оставить его как необходимого колхозу специалиста. Дом его раскатын по деревню, и ему уже некуда идти.

Буляков — опытный драматург, недаром его драмы в родной Башкирии со-

рисовывают стройные фигуры. Режиссер Ю. Майнагашев по необходимости дал роли старух сорокалетним актрисам. Но если б он научил их, как это обыграть! Я вспоминала Тарамаяева в спектакле С. Женовача «Мельник, колдун, обманщик и сват». Там молодой актер все время выглядывал из образа, подчеркивая игровое построение спектакля и игристый характер старого Мельника. Здесь же — несоответствие исполнителя персонажу никак не обыгрывается. Режиссер не смог дать ключика, и зритель видит одну потрясающе комичную А. Кызласову, которая может играть и без текста, и без режиссуры, и трех отнюдь не пожилых, красивых, но невыразительных пластически актрис: Н. Саражакову, Г. Кокову и Т. Майнагашеву.

Сама ситуация пребывания в богадельне таких женщин — уже другой сюжет. Авдотья Майнагашевой, сняв байковый мешковатый халат, обнаруживает под ним элегантно черное платье и смотрит молодой монахиней. Когда товарки застают Авдотью, целующуюся с Абдуллой (артист В. Коков), им трудно не ревновать, ведь эти двое вполне могут полюбить по-настоящему, не по-стариковски. В этом спектакле актерам недостает индивидуальных черт. Как, впрочем, и в другом — «Ах пуга», что означает «Белый бык».

Это инсценировка по мотивам литовской прозы, сделанная А. Чапраем как философская притча на хакасском материале. Белый бык и Синий бык, упоминающиеся в пьесе, представляют в метафорической форме доброе, духовное начало в человеке и злое, низменное. Но драматургически все так невнятно, что мы, критики, слушавшие под-